

УДК 101.1; 82-1/-9

*Жиляков С. В.***ЖАНРОВАЯ ПРОБЛЕМА
ПОСЛЕ М. М. БАХТИНА
(ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)**

Жиляков Сергей Викторович, кандидат филологических наук, доцент
Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета,
м-он. Солнечный, 18, г. Старый Оскол, Белгородская область, 309502, Россия; E-mail: szhil@list.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен комплексный подход к жанровой трактовке культуры, коммуникации, человеческого бытия в целом на основе жанровой концепции М. М. Бахтина. Жанр понимается как устойчивого типа высказывание, универсально присущее культуре в любой исторический период и имеющее собственную историческую и трансисторическую сущность, определяемую открытостью и активностью эпистемологического императива.

В контексте исследования оснований и принципов бахтинской концепции, обладающей экзистенциальной, онтологической и эпистемологической значимостью, сформулирована попытка видения жанра как фундаментальной социально-гуманитарной категории.

Ключевые слова: коммуникация; жанр; высказывание; жанрология; речевые жанры.

*Sergey V. Zhilyakov***GENRE PROBLEM
AFTER M.M. BAKHTIN
(ONTOLOGICAL NOTES)**

Zhilyakov Sergey Viktorovich, PhD in Philology, Associate Professor
Stary Oskol Branch of Belgorod State National Research University,
18 Solnechny District, Stary Oskol, Belgorod Region, 309502, Russia; E-mail: szhil@list.ru

ABSTRACT

The paper examines an integrated approach to the genre interpretation of culture, communication, and human existence as a whole, which is based on the genre concept of Bakhtin. Genre is understood as the statement which is cultural inherent in any historical period and has its own historical and transhistorical essence determined by the openness and activeness of the epistemological imperative.

In the context of research of bases and principles of Bakhtin's concept of having an existential, ontological and epistemological significance the author makes an attempt of regarding genre as a fundamental social and humanitarian category.

Key words: communication; genre; saying; genre study; speech genres.

Жанровая проблема не нова. Она существует с тех пор, как возникли сами оформленные элементы человеческой коммуникации, присущие любой сфере деятельности человека. Жанрами, как литературными, так и любыми другими, интересовались, исследуя их, специалисты в различных областях знания: филологи, философы и культурологи. Вполне объяснимо, что каждый исследователь осмысливал эту проблему в соответствии с «цеховыми» установками, обусловленными методологическими принципами того или иного научного направления или школы.

В современной жанрологии сохраняет свою актуальность концепция М.М. Бахтина, основанная на комплексном – филологическом, культурологическом и философском – подходе к решению сущности жанра, что придает ей универсальный характер в понимании проблемы «жанр – человеческая жизнь». Жанр, по Бахтину, – не структура, но формо-содержательное единство, он – бытийная и экзистенциальная сущность человеческой коммуникации. Бахтин не уклоняется и от традиционного представления жанра как единства тематики, стиля и композиции. Жанровый конструкт состоит из элементов целых высказываний, «относительно устойчивые типы» которых «мы и называем жанрами» [1, с. 159]. Однако ученый считает и, вероятно, прав в том, что не существует жанра вне речи, как речи не существует вне жанра, а обоих компонентов – вне процесса коммуникации, который их порождает. Жанр – это вовсе не научная спекулятивная категория, обладающая метафизической природой, он состоит в неразрывных отношениях с социумом. Все жанры так или иначе имеют речевую природу; по этому атрибутивному свойству Бахтин их назвал речевыми или первичными. Речевых жанров великое множество, они обслуживают многомерную и разнородную человеческую деятельность.

Как неоднократно подчеркивалось, отличие бахтинского понятия речевого жанра «от традиционного понятия «жанр» (например, в литературоведении) состоит в том, что у Бах-

тина это не просто тип однородных (или одновидовых) произведений литературы, а реплика, целое высказывание в диалоге (даже когда имеется в виду роман, повесть и т. д.) Он рассматривает речевой жанр в аспекте речевого общения – как факт социального взаимодействия людей, как соотношение и взаимодействие смысловых позиций. Именно диалогичность является определяющим признаком речевого жанра у Бахтина как «единицы речевого общения и деятельности людей» [3, с. 157–158]. Таким образом, ориентированный прагматически, жанр в большей степени, нежели другие компоненты коммуникации, – «живой организм», существующий в условиях культурного общения, причем в условиях любого типа человеческой коммуникации. Жанр сам становится условием речевого взаимодействия людей, генератором мыслительной деятельности. Такой широкий семантический горизонт проблематики свидетельствует о жанре как о культурологической (шире – философской) категории.

С жанром непосредственно связан стиль, индивидуализирующий его с точки зрения автора и обстоятельств коммуникации. «Органическая неразрывная связь стиля с жанром раскрывается и на проблеме языковых, или функциональных, стилей. По существу, языковые, или функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы, этим жанрам и соответствуют определенные стили» [2, с. 241]. Определяя существенные свойства речевого жанра, Бахтин отмечал: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных и письменных) участников в той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным по-

строением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [2, с. 327].

Бахтин манифестирует чрезвычайное богатство и разнообразие речевых жанров (высказываний): «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы. Особо нужно подчеркнуть крайнюю разнородность речевых жанров (устных и письменных). В самом деле, к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога (причем разнообразие видов бытового диалога в зависимости от его темы, ситуации, состава участников чрезвычайно велико), и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную военную, и развернутый и детализированный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений (в широком смысле слова: общественные, политические); но сюда мы должны отнести многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа). <...> Крайнюю неоднородность речевых жанров и связанную с этим трудность определения общей природы высказывания никак не следует преуменьшать. Особенно важно обратить здесь внимание на очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами (это не функциональное различие). Вторичные (сложные) речевые жанры – романы,

драмы, научные исследования разного рода, большие публицистические жанры и т. п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного) – художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают сложный характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям; например, реплики бытового диалога или письма в романе, сохраняя свою форму и бытовое значение только в плоскости содержания романа, входят в реальную действительность лишь через роман в его целом, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман в его целом является высказыванием, как и реплики бытового диалога или частное письмо (он имеет с ними общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное)» [1, с. 161].

Помимо коммуникативного аспекта, чрезвычайно отзывчив жанр в гносеологическом отношении с действительностью, с которой вступает в диалогическое общение. Описание действительности начинается именно с жанра – завершенного высказывания, – глазами которого художник видит окружающий мир. «Осознание и понимание действительности совершается вовсе не с помощью языка и его форм в точном лингвистическом смысле слова. Формы высказывания, а не языка играют существеннейшую роль в осознании и постижении действительности» [3, с. 310]. Взаимопроникновение двух миров – действительного и художественного – принципиально важный момент дуалистической направленности концепции Бахтина, пишущего по этому поводу: «Нельзя разрывать процесса видения и понимания действительности и процесса ее художественного воплощения в формах определенного жанра» [3, с. 311].

Всякий речевой жанр – не только социально ориентированный конструкт, или эпистемологическая категория, с помощью которой познается и классифицируется произведение литературы. Бахтин отчетливо дает понять, что жанр «есть совокупность способов коллективной ориентации в действительности с установкой на завершение» [3, с. 312], набор методов и приемов онтолого-герменевтического, гносеологического, эстетического понимания действительности. Иными словами, жанр предоставляет определенную версию считывания информации с реальности; он обладает собственным бытием, вторичным, определяемым фундаментальным жизненным бытием. Для автора же жанр является способом бытия. Отсюда неизбежность коммуникации между сторонами-участниками жанротворения, жанровосприятия и элементами им соответствующими (действительность, автор, читатель).

Жанр настолько сориентирован с действительностью на взаимодействие, что безотлагательно реагирует на социально-историческое событие. Вступает с ним в диалог, иницируя участие в *со-общении* о нем. При этом он не только «утрачивает первоначальное отношение к действительности и к реальным чужим высказываниям» [2, с. 327], но сохраняя его субституцию, перенастраивается, модифицируясь в соответствии с целями и задачами жанра, которые на него возложены бытийно (генетически). Индивидуализация жанра в связи с этим является степенью участия в его преобразении автором и определяется как стиль. Кроме того, свои коррективы в конструирование жанра вносятся культурно-историческими процессами и явлениями. Поэтому только лишь сущностный аспект остается в жанре неизменным, а декоративные, ситуационные акциденции в его составе приобретают новую форму, шлифовку. К таковым, например, относятся метр, ритм, мелодика, рифма, интонация – в лирике; изменение композиционной последовательности, перестановки, количество участвующих персонажей – в трагедии; образ автора, характеристика его заместителей, из-

менение направленности повествования – в эпических произведениях.

Также в зависимости от принадлежности к художественному методу, течению, направлению и школе происходит различное толкование жанра. Существеннейшую организационную роль в жанростановлении играют участники коммуникативного акта (высказывания): адресант, жанр, адресат. Они, вступая в различные отношения, имея разные облики, способны определенным образом влиять на характеристику жанра.

Отношение жанра с художественным произведением – очень тесное, сложное и неоднородное сотрудничество. Очевидно, что некоторые произведения генерируются только одним жанром. Естественно, они имеют малый объем и упрощенную структуру. Однако подавляющее большинство художественных произведений по структуре являются полижанровыми комплексами. И здесь все гораздо сложнее. Сложность состоит порою и в определении доминирующего жанра, и в выявлении всей совокупности жанров и их отношений и функциональной роли внутри художественного единства (целого высказывания). Поскольку первичные жанры в составе художественного произведения, которое есть не просто система набора первичных (простых) жанров, а сложное единство их, уникальная комбинация, представляющая структурный синтез высказываний, отличный от заурядной суммы последних, органически сочетающихся и оттого образующих причудливую форму, своеобразный композиционный ансамбль, не являются простыми структурообразующими компонентами, а выполняют свою функциональную роль, находящуюся во взаимосвязи с амплуа других жанров, входящих в состав сложного высказывания, каковым значителен художественного произведения, то и обнаружение их в системе культурного, социального и исторического диалога – чрезвычайно сложное мероприятие. Мероприятие, стоящее того, чтобы познать механизм понимания действительности, глубже – процесс взаимодействия сознания/сознаний, как по линии собственных

связей, так и по вектору: действительность – жанр – сознание.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что бытие жанра – это система всех характерных для его «жизнедеятельности» компонентов: форма, содержание, стиль, адресат, адресант, качество взаимодействия с действительностью. Кроме того, можно добавить генетическую природу жанра, модальность, хронотоп, локус.

Помимо того, бытие каждого литературного жанра, по-видимому, складывается и из установившейся принятой в данный исторический период картины мира, доминирующего мировоззрения, стереотипов мироощущения, в конце концов. Начинать изучать жанр необходимо, конечно, с генетических кодов, заложенных в мифо-ритуальной природе комплексов восприятия и смыслопорождения. Согласно О.М. Фрейденберг, ритуал связан со словом-высказыванием-речью: «Говорит космос-тотем, поздней говорит божество, а там и его жрец-прорицатель, вещающий за него» [5, с. 122]. Ритуал, обретший литературную форму, сохраняет в качестве рудимента тематическое высказывание жертвоприношения (тематическое задание), композиционные элементы (ожидание, молитву, очищение, надежду на вечную память и т. д.), диалогическую природу в интенции бог-жрец-жертва. Триаде «слово-высказывание-речь» соответствует триада участников ритуального действия – «бог-жрец-жертва» – в первобытном синкретическом мышлении. Например, сквозь призму этих отношений можно рассмотреть такой средневековый жанр древнерусской литературы как летописная воинская повесть, предположив, что в экзистенциально-бытийственной основе летописная воинская повесть содержит элемент жертвоприношения, структурно вписывающийся в нее при пристальном аналитическом обнаружении. В классическом виде жертвоприношение – это внутритекстовый мотив. Но с учетом вышесказанного мы понимаем, что мотив в данном случае есть всего лишь микрожанр или первичный, по терминологии Бахтина, жанр. Все эти компоненты

есть в синтезе жанровая форма жертвоприношения (литературная), которая бытийствует в сложном целом художественно-литературного жанра. Бытие жертвенности как жанровый феномен «литературного жертвоприношения» принадлежит типологически летописным воинским повестям, конституированным торжественным пафосом.

И последнее. Жанр, представленный в статусе социальной эпистемологической конвенции, в особенности, имеющий отношение к истории (например, летописи, повести, исторический документ и проч.), обладает определенной познавательной неполнотой [4, с. 381]. Она – неотъемлемый жанровый признак, кроме прочих атрибутов заложенная в нем до рождения (а priori, вследствие невозможности безостаточного познания чего-либо). Поэтому жанру вполне присуща самодостаточная природа с потенциальной проектной ориентировкой на вечное становление ради наивной попытки полного понимания и познания действительности. «Жанр экспрессивно тематизирует высказывание: замысел сказать еще несказанное, опознаваемое в ситуации общения как жизненно важное, изначально окружает жанровое» [5, с. 400], он аккумулирует знания о явном и неявном, но выразимом, истолковывает в рамках вечно становящегося (по причине диалоговой открытости и транспарентности) высказывания о мире. Потому в жанре уже предустановлено допущение некоторой доли неполноты познания мира с одной стороны, а с другой – спрессована потенциальная возможность активного познавательного начала.

Итак, без учета этих жанрообразовательных высказываний невозможно полноценно понять всю ценность литературного процесса определенной исторической эпохи, ее культуру, а значит и саму жизнь человека, его ожидания, желания, ценностные ориентиры, мировоззрение и восприятие действительности.

В рамках данной статьи мы всего лишь наметили некоторые возможные пути постижения онтологии жанра сквозь призму концепции М.М. Бахтина, которая ни в коей мере ими не ограничивается.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 159-207.

2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 281-308.

3. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. 248 с.

4. Иванюк, Б.П. Генезис и эволюция жанра: версия обоснования // Жанрологический сборник. Выпуск 1. Елец. 2004. С. 3–11.

5. Ольхов, П.А. Конвенции в историческом познании // Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод / под общ. ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 381-401.

6. Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

7. Шукин, В.Г. О филологическом образе мира (философские заметки) // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 117–138.

8. Шукин, В.Г. Социокультурное пространство и проблема жанра // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 69-78.

REFERENCES:

1. Bakhtin, M.M. The Problem of Speech Genres. Vol. 5. *The Works of the 1940^s – early 1960^s years*. Collected Works in 7 vols. Moscow: "Russkie slovari". 1996. Pp. 159-207.

2. Bakhtin, M.M. The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. The Experience of Philosophical Analysis. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: "Iskusstvo". 1979. Pp. 281-308.

3. Dement'ev, V.V. *Indirect Communication and Its Genres*. Saratov: Saratov's University Publishing House, 2000. 248 p.

4. Ivanyuk, B.P. Genesis and Evolution of the Genre: the Version of Justification. *Zhanrologicheskiy sbornik*. Issue 1. 2004. Elets. Pp. 3-11.

5. Olkhov, P.A. Conventions in the Historical Knowledge. *Modern Methodological Strategies: Interpretation. Convention. Translation*. Ed. by B.I. Pruzhinin and T.G. Schedrina. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia, 2014. Pp. 381-401.

6. Freydenberg, O.M. *Poetics of Story and Genre*. Moscow: Labirint, 1997. 448 p.

7. Schukin, V.G. About Philological Image of the World (philosophical notes). *Voprosy filosofii*. № 10. 2004. Pp. 117–138.

8. Schukin, V.G. Sociocultural Space and the Problem of Genre. *Voprosy filosofii*. № 6. 1997. Pp. 69-78.